

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ

Вступительная заметка и публикация П. Д. Ухова

Комментарии А. И. Баландина

Имя Юлии Валериановны *Жадовской* (1824—1883) в числе корреспондентов Киреевского никогда и никем не упоминалось. Ни в «Старой», ни в «Новой» сериях ни один текст не подписан ее именем. Однако в «Черновой описи», напечатанной М. Н. Сперанским, под № 56/1 значится: «Ж а х о в с к а я — Я р о с л а в л ь»; значится также, что материалы этой корреспондентки вместе с материалами других корреспондентов переданы в Собрание Киреевского через некоего «Д о л г» (*НС*, в. II, ч. 2, стр. IX). Заметим, что издатель «Новой серии», опубликовавший опись, как и в ряде других случаев, допустил неточности. В подлиннике «Черновой описи» фамилия собирательницы, идущей под № 56/1, написана не очень ясно; но все же ее нужно читать не «Жаховская», а Жадовская, а материалы ее поступили не через неизвестного «Долг», а через известного Даля.

Подлинных рукописей Жадовской в архиве не обнаружено, но нашлось два текста в списках с пометами 56/1. Один из этих текстов напечатан в «Новой серии» без имени собирательницы. Но несмотря на отсутствие автографов, есть все основания полагать, что неизвестная корреспондентка Киреевского Жадовская — это известная поэтесса Ю. В. Жадовская.

Интерес Жадовской к народной поэзии возник, возможно, не без влияния П. М. Перевлесского, преподавателя Ярославской гимназии (1838—1843), одного из активных собирателей, знатоков и ценителей народного творчества. Человек этот, как известно, сыграл большую роль в личной судьбе поэтессы (ее трагическая любовь к нему)¹.

Во время поездки в Москву в 1840 г. Жадовская через Ю. Н. Бартенева сблизилась со многими славянофилами — И. С. Аксаковым, А. С. Хомяковым и в особенности с Погодиным, в журнале которого «Москвитянин» она и начала свою литературную деятельность. Вся эта группа литераторов, как известно, в деле Киреевского принимала самое активное участие.

Лирика Жадовской тесно связана с народно-песенной традицией. Такие ее стихотворения как «Водяной», «Русалка», «Я люблю смотреть...», «Всё бы я сидела да глядела...», «Грустная картина», «Нива» и др. являются или прямой переработкой народно-поэтических произведений или же написаны в духе и стиле народного творчества.

Жадовская часто говорит в стихах о своей любви к поэзии народа:

Я вновь полна чудесных звуков
И сладких песен старины².

И в другом стихотворении:

Как мне вечером скучно одной,
Да при том же не в шутку большой!
Я б охотно послушала сказки,
Дождалась бы и глупой развязки;
А уж если бы песню кто спел,
Мой недуг бы как раз отлетел...³

В свете этого понятны причины возникновения интереса Жадовской к попыткам самостоятельных записей творений народа. Однако из-за своего постоянного недуга она

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ

Портрет маслом работы Н. А. Лаврова, 1845

Литературный музей, Москва

не могла заняться серьезным и систематическим их собиранием. Вероятно, она записывала народные песни лишь для себя и только в кругу своих постоянных собеседников. Когда же представился случай, она передала свои записи в Собрание Киреевского. Сколько всего текстов было передано ею, сейчас определить трудно; ясно лишь одно — их было немного.

Не удалось определить и когда были записаны переданные ею тексты. Вот о том, когда они были переданы, можно высказать некоторые предположения. Несмотря на то, что вклад Жадовской в Собрание был незначительным, все же обязательный Киреевский не мог бы не упомянуть ее в известном предисловии в «Чтениях» 1848 г. К этому времени первый сборник ее стихов (1846 г.) был уже издан, и поэтесса получила широкое признание. На тексте ее песни стоит помета П. И. Якушкина: «56/1-Б — А. А. Потехин», которую мы расшифровываем так: Жадовская передала твои записи писателю А. А. Потехину, от которого они в свою очередь через Даля и были переданы Киреевскому. Потехин выступил на литературную арену в начале 1850-х годов (первые его очерки из народного быта стали печататься в «Современнике» с 1852 г.); в 1855 г. он вместе с другими писателями принял участие в экспедиции по сбору этнографических материалов для «Морского сборника» по заданию в. к. Константина Николаевича. Следовательно, передача материалов Жадовской Потехиным могла быть осуществлена в период с 1848 по 1856 г. (год смерти Киреевского). Если бы записи Жадовской

поступили в Собрание позднее 1856 г., тогда бы они не попали в опись П. И. Якушкина и не были переписаны (копии с оригиналов песен снимались под руководством и по заданию Киреевского).

Поскольку до нас дошли лишь единичные записи Жадовской (и те в копиях), то судить о принципах ее собирания крайне трудно. Можно лишь сказать, что ее интересовали произведения необычные, редкие и те, которые отвечали складу ее души.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В биографии Жадовской, написанной П. В. Быковым, вкралась ошибка. Быков заявляет: «По желанию отца, Юлия Валериановна поступила в Костромской пансион Прибытковой, где училась прекрасно, но особенные успехи оказывала в русской словесности. Предмет этот преподавал в пансионе молодой талантливый педагог Петр Мионович Перевлесский...» (Ю. В. Жадовская я. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1885, стр. VIII). На самом деле Жадовская оставила костромской пансион и возвратилась в Ярославль, где и встретилась с Перевлесским.

² Ю. В. Жадовская я. Полн. собр. соч., т. I, стр. 61.

³ Там же, стр. 96.

№ 1

— Не сиди, красна девица,
 Поздно вечером одна,
 Ты не жги, не жги, девица,
 Белояровой свечи,
 Ты не тки, не тки, девица,
 Тонко бело полотно,
 Ты не жди, не жди, девица,
 До полуночи меня:
 Завтра еду я в моря,
¹⁰ Во чужие города.
 Уж мне с тобой не сыпяти,
 По твоим белым грудям не трепати,
 Твои сахарны уста не целовати.
 Уж мне спать-почевать
 На Черном море,
 Мне трепать да трепать
 По синю морю веслом,
 Целовать-миловать
 Морску горькую волну.
²⁰ — Зачем рано, молодец, похваляешься,
 Надо мной, красной девицей, насмехаешься?
 Я велю тебя поймати,
 Чтоб поймать — извести,
 Душу с телом развести.
 Я из крупного костья
 Высок терем построю,
 Я из мелкого костья
 Кровать, стулья поставлю,
 Из буйной твоей головы
³⁰ Чару выточу,
 Из ясных твоих очей
 Чару вызолочу,
 Из горячей твоей крови
 Сильной водки насижу.
 Из белого тела
 Пирогов напеку.
 Созову ж я голубушек,

Подружек моих,
 Загадаю им загадку,
⁴⁰ Хитру и мудру́,
 Что хитру и мудру́,
 Не отгадливую:
 Я по миленьком хожу,
 Я на миленьком сижу,
 Милым потчиваю.
 Уж все красны девицы призадумались,
 А одна красна девица призаплакалась,
 Призаплакавшись, слово молвила:
 — Уж ты девка-супостатка, извела молодца,
⁵⁰ Извела ты молодца, моего братца.
 Я доселева братцу говаривала:
 Перестань, братец, шалить!
 Уж как девка-супостатка
 Изведет, братец, тебя.

№ 2

Ах, ты вейся, капуста моя!
 Ах, ты вейся, бела и вила,
 Бела и вила,
 Со тыном ровна.
 Кому надобно капусты,
 Приходите торговать,
 А я буду продавать.
 Как не где взялся детинка,
 Точно ягодка-малинка,
¹⁰ Вошел к девке в огород,
 Он капусты не торгует,
 Красну девушку целует,
 Красну девку обнимает,
 Крепко к сердцу прижимает.
 Он капусты не купил,
 Красну девку полюбил,
 За себя он становил.
 На дворе бела заря,
 Пора милой со двора.
²⁰ На улице белой снег,
 Пойду милому во след.
 Я за миленьким бежала,
 Его следик затирала.
 Не домой пошел милой,
 Ко Афроське вдовиной,
 А Афроська вдовина
 Чем же лучше меня?
 Чем же вежливее?
 Она костью не складней,
³⁰ Она лицом не белей
 И румянцем не алей.

№ 1. Копия. ЛБ, ф. 125, п. 16, л. 4353. Имеется помета Якушкина: «56/1-Б». Контаминированный текст широко распространенной песни-баллады о «каннибаловом угощении» (вар.: Соб., т. I, № 154—163; Шейн, в. 1, № 750—753). Появляется в песенных сборниках с начала XIX в.

№ 2. Копия. ГИМ, ф. 56. Имеется помета Якушкина: «56/1-Б — А. А. Потехин». Контаминированный текст хороводной песни.